

Я ехал искать свою родину. С малого детства, как пошёл в школу, родина для меня прочно ассоциировалась с «Родной речью». Книжка о городах и сёлах, о детях и наших вождах— всё это казалось мне родиной. Поумнев, понял, что не всё так просто и однозначно. Понял, что родина у каждого должна быть своя, только его. А та общая, которая на всех,— это что-то другое. Что— я и сейчас ещё не конца понимаю.

И вот сегодня я еду искать свою родину. Настоящую. Вообще-то, как у всех нормальных людей, у меня должно быть две настоящих родины— родина отца и родина мамы. Отец мой с далёкой Украины, и я, ещё пацаном, был там. Всё увидел: и дедову хату под камышовой крышей, и колодец с журавлём, и шелковицу у ворот. И всё это осталось в памяти на всю оставшуюся жизнь.

А вот родину мамы я не видел. И вот самое постыдное во всём этом деле было то, что до маминой родины ехать-то всего ничего— часа три, не больше, но я еду туда уже почти пятьдесят лет.

Вот так-то. Сначала был глуп и беззаботен, и ничего не надо было, а потом некогда стало. Суета тенёта поставила.

Не видел я то место, где родились и выросли мой дед Григорий и бабушка Шура и где родилась моя мама. Косогор, на котором дед поставил дом, и Малый Кемчуг, в котором купались ребятишки и стирали бельё женщины, дедову пашню и пасеку. Всё это я представлял себе только по рассказам мамы. Душа требовала конкретности.

Стыд за беспамятность пришёл с годами. И, надо сказать, пришёл разом. Однажды, задумавшись, я так остро ощутил позади себя ускользающую пустоту и так зримо представил себе дом деда на косогоре, что решение ехать в Рыбную разом заслонило всё остальное как мелкое и не достойное внимания. От нетерпения не знал, как дожидаться ближайшей субботы. Мама моё неожиданное желание не поняла.

— Что это вдруг?

— А вот, приспичило. Хочу твою Рыбную посмотреть.

— Не хотел, не хотел, да вдруг захотел?

— Вот захотел. А ты что, не хочешь?

— Ну как это— не хочешь? Хочу, конечно. Только, говорят, нет там уже ничего.

— И ты не найдёшь то место, где ваш дом стоял?

— Не знаю. Может, и не найду.

— Сердце подскажет, найдёшь.

— Дай-то Бог.

День не задался сразу, с утра. Солнце долго пряталось по-за тучами, лишь изредка косыми лучами выглядывая где-то у горизонта. Низкие тучи накачивали одна за другой, грозя прорваться хорошим дождём.

Поехали мы всей нашей семьёй: мы с женой Валентиной, мама, младшая дочь Лена и наш сын Лёша, уже отслуживший армию парень. Ну ладно, Лена ещё домашний ребёнок, а вот Лёшкина настойчивость ехать с нами в Рыбную меня удивила. — И чего ты там хочешь увидеть? Вряд ли там что осталось.

— Да мне баба в детстве часто рассказывала о своей деревне. Хочу сам посмотреть, где было наше родовое имение. Может, чего интересного найду.

На моей чисто городской машине можно ездить только по асфальту. Зная это, я заранее договорился с Игорем, отставным офицером-танкистом, давно и по-доброму знакомым из Козульки, что он нас повезёт дальше. Козулька— небольшой районный центр со станцией на Транссибе. По сибирским меркам— просто большая деревня.

Игорь уже ждал нас, покуривая на скамейке у своего дома.

— Здорово, Игорь. Знакомься, это моя мама, Лидия Григорьевна, урождённая Пуртова, моя жена Валентина, сын Лёша и дочь Лена. Семья в полном составе. Мама будет нашим экскурсоводом по деревне Рыбная.

— Да уж, с меня экскурсовод. Сто лет там не была.

— Ничего, Лидия Григорьевна. Вот приедем, поставим вас посреди деревни, всё сразу и вспомните,— оглядел всю нашу компанию.— Ну что, путешественники, готовы?

— Мы-то готовы. Погода не готова.

— Да чихать нам на погоду. Мою «буханку» дождём не напугаешь.

— Так туда что, совсем нет дороги?

— Да как вам сказать,— Игорь придавил сапогом окурочок.— Лесная дорога. Да не волнуйтесь вы, доедем. Ну что, расслаживайтесь.

«Буханка» уаз-фургон, выдавший виды, со следами былых побед над козульскими дорогами, стоял, скромно упёршись фарами в ворота дома Игоря. Расселись по жёстким скамейкам, поехали.

Асфальт отмахнули быстро, и вот Игорь, притормозив у сворога в сторону леса, съехал на грунтовку. Да, дорогой это можно было назвать только с большой натяжкой. Качало, как в штормовом море.

Для уаза это была родная стихия, и, солидно похрюкивая выхлопной, он уверенно двигался вперёд. Бултыхались мы так около часа.

— Ну вот, скоро и Рыбная.

— Мама, ну что, узнаёшь знакомые места?

— Нет. Вообще ничего знакомого. Лес кругом... Раньше при подъезде к деревне поля были, покосы... Где-то здесь, налево от дороги, была наша пасека, пашня, летняя изба. Ничего уже нет. Деревниной всё заросло.

Вдали показались длинный загон из жердей и небольшой вагончик в глубине перелеска.

— А это что за абориген?

— Фермер... Скот разводит. Да, похоже, плохи у него дела. Поначалу большое стадо было, а сейчас так, поштучно. Ну, вот и ваша Рыбная.

Справа, в глубине зарослей кустарника, показался небольшой старый дом с пустыми проёмами окон. Дальше сплошные заросли. Проехав немного, Игорь остановился, заглушил мотор.

— Ну что, Лидия Григорьевна, показывайте свою деревню Рыбную. Кто где жил, чем занимались, где на праздники хороводы водили.

— Да какие уж тут хороводы...—мама стояла посреди узкой дороги, которая, видимо, была когда-то улицей, и недоуменно оглядывалась.— Я вообще не пойму, где это место в деревне было. — Ты же говорила, что ваш дом был на краю деревни, на холме, рядом был овражек.

— Говорила... Нет тут никаких холмов, овражков. — Ну, пойдём дальше, посмотрим, может, и ориентируешься, где овражки и холмы.

Мы пошли по дороге. Дальше домов не было. В зарослях травы и кустов виднелись остатки заборов, куски стен сараев. Метров через пятьдесят, правее, показался ручей глубиной с ладошку и шириной метров пять. Мама остановилась, огляделась.

— Так это же речка, Малый Кемчуг! Мы здесь купались.

— Купались? Ты ничего не путаешь? Как здесь можно купаться?

— И рыбу ловили...

— Сзади подошёл Игорь:

— Всё правильно, это Малый Кемчуг.

— Господи...—мама смотрела испуганными глазами на этот ручей.—Это же была речка... настоящая. Куда она делась?

— Время её съело, Лидия Григорьевна. Время... Всё когда-то кончается. Малый Кемчуг сейчас весь такой.

Мы, не переходя ручей, свернули влево, где виднелись крыши нескольких домов.

— Там была охотничья база какого-то завода, кажется, «Сибтяжмаша». Вот несколько домов и уцелели.

«Уцелели»—мягко сказано. Правда, окна и двери ещё были, но внутри живым и не пахло. От печек—только остатки битого кирпича, а от мебели—останки нар из горбыля, что были сбиты от стены до стены.

— Ну что, ты ориентируешься, в какой части деревни мы находимся? В какую сторону идти к твоему дому?

— Нет...—мама растерянно крутила головой.— Нет, ребята, ничего не узнаю. Если от речки, где мы купались, влево, так тут должна быть широкая улица к центру деревни. А какая здесь улица?..

Дальше идти не было смысла, так как там были сплошные заросли кустарника. Кроме этих уцелевших трёх домов, больше жилья не было.

— Вы знаете, вот мы как только въехали, так справа один дом стоял. Вот он мне что-то напоминает. Давайте вернёмся, я его ещё раз посмотрю. Как будто я его помню...

Неторопливо, оглядываясь по сторонам в надежде увидеть ещё что-то, мы пошли обратно. Игорь двинулся к машине, а мы остановились у того дома, который увидели первым. Мама, раздвинув высокую траву, подошла ближе, заглянула в окно, зияющее чёрным провалом, дошла до угла, где, судя по обломкам, должны быть сени.

— А вы знаете, это дом моей тётки, сестры отца. Точно! Я вспомнила!—мама зашла за угол дома.— Вот здесь у них было высокое крыльцо... дальше, во дворе, стояли сараи для скотины... а вот здесь были ворота!

Мы следом за ней тоже заглянули в провал крайнего окна. Внутри не было ничего. Ни пола, ни перегородок, ни печи. Сплошная чёрная яма. Мама подошла к тому месту, где, по её воспоминаниям, должны быть ворота, долго смотрела куда-то вдаль.

Мы замерли, стараясь не мешать её воспоминаниям. Мы понимали, что сейчас она видела широкую улицу, солнечный летний день, народ, идущий по своим делам, себя семилетней девочкой, стоящей у калитки дома своей тётки.

— А раз здесь были ворота... значит...—она резко развернулась.—Значит, наш дом должен стоять вот там,—и показала на заросли напротив.

Где «там», мы не поняли. «Там» не было ничего, кроме высоченной травы и высохших кустов. А мама с недоумением продолжала:

— Но наш дом стоял на бугре, а перед ним был овражек. А вот где бугор и где овражек?

Да, ни бугров, ни оврагов там явно не просматривалось. Но мамина решительность взбудорила, и было видно, что она не ошибается. А значит... А значит, надо действовать.

— Вот мы сейчас и сходим туда, где ты показываешь. Может, чего и найдём. Идём, Лёша, бугор искать.

Пройдя немного в сторону тех зарослей, Лёша обратил внимание на какие-то крепкие выпуклости на дороге. Разгребая ногой засохшую грязь, мы увидели, что это, оказывается, сучки толстенных брёвен.

— Интересно,— бормотал про себя Лёша, расчищая небольшой квадрат этого бревенчатого настила.— Так они что, дорогу из брёвен делали? — Мама, а что здесь за дорога была?

Мама подошла ближе, остановилась рядом, оглядываясь по сторонам.

— Так вот здесь вроде и был тот овражек, о котором я говорила.

— Ну так вот и завалили твой овражек этими брёвнами,— Лёша очистил руки от травы.— Был овражек— стала дорога. Бабуля, ты постой здесь, а мы сходим туда, где, ты говорила, должен ваш бугорок быть.

Лёше уже охватил азарт краеведения, и он напролом врубился в дебри кустарника и высокой травы. Я за ним. Мы пробились вперёд метров на тридцать, но никаких остатков жилища не увидели. Да, действительно, мы шли немного в гору, и это была просто возвышенность, но точно никак не «бугор», о котором говорила мама. Я уже решил, что надо возвращаться обратно, как Лёша вдруг остановился.

— Смотри, а ведь это кирпичная кладка,— Лёша быстро разгрёб руками мусор и остатки травы.— И мне кажется, это была печка!

Выдирая траву, мы расчистили метра три в квадрате, и ясно проступил нижний ряд, размером примерно в печь.

— Ну вот, здесь, скорее всего, и был дом нашей бабули. Ну что, зовём её?

— Да погоди, дай самому осмыслить. Давай ещё пошарим, может, чего найдём интересного.

Мы расчистили площадь побольше, но ничего «интересного» не попало. Мусор был явно бытовой, и в том, что здесь стоял дом, сомнений уже не было. Но вот чей это был дом, моего деда Григория или кого из его соседей, мы не знали.

— Пап, а давай, как говорил твой друг Игорь, поставим бабулю на это место, и она сама определит, пуртовский это дом был или нет. Пойдём, поможем ей сюда пробраться.

С трудом, расчищая прорубленную в бурьяне «просеку», мы помогли маме добраться до расчищенной площадки.

— Ну вот, мама, стой, осматривайся. По нашему предположению, это остатки печи вашей избы.

Мы помогли маме встать повыше, на печной фундамент, отошли чуть в сторону.

— Смотри, мама, вспоминай...

Мама, приложив руку ко лбу, медленно поворачиваясь в разные стороны, долго смотрела в даль. Что она там видела? Что осталось от её детских воспоминаний?

Ей было девять лет, когда им пришлось тёмной ночью бежать из родной деревни, бежать, бросив всё, чем жили, чем кормились, чем дышали. А бежать пришлось потому, что добрые люди шепнули деду Григорию, что завтра его и его брата Ефима будут «раскулачивать» и высылать на Север.

Дед к тому времени, понимая, что колхоз— это всерьёз и надолго, отдав все своё имущество в «коллективное хозяйство», тоже вступил туда. Другого выхода просто не было. Позже дед цитировал мне злободневную на то время газету: «...Так-так»,— сказал батрак, заплакал и пошёл в колхоз».

И вот, несмотря на то, что они с братом Ефимом уже были колхозниками, видимо, для выполнения плана, было решено «раскулачить» и их, как бывших зажиточных крестьян. Глухой ночью, покидав в телеги всё, что можно было взять с собой, они уехали. Уехали в никуда. Позже, продав коней и телеги, перебрались в Анжеро-Судженск, где таких бедолаг набралось уже прилично. Прожив там около года, вернулись в Красноярск. Никто их не искал, не хватал и не ловил. К тому времени в газете «Правда» уже была напечатана статья Сталина «Головокружение от успехов» об ошибках в коллективизации, и страсти поутихли. Но в родную деревню братья уже не поехали. Отвернуло на всю оставшуюся жизнь.

Вот такая грустная предыстория нашего родового имени, на обломках которого мы стояли. Мама, видимо, прокрутив в памяти грустный чёрно-белый фильм своего детства, увидела в нём и высокое крыльцо своего дома, и дом свей тётки напротив, и глубокий овражек, и «бугор», на котором стоял их дом.

— Да, это то место... Здесь мы жили.

По её щекам тихо катились слёзы, а мы стояли молча, думая каждый о своём.

А думать было о чём. В Сибири не было явных «кулаков» и угнетённых бедняков. Просто были люди, кто умел и хотел работать, и те, кто довольствовался малым. Для нормальной жизни было всё: в тайге— зверь, а это мясо и пушнина, в реке— рыба, да и земли хватало всем. Мало тебе земельного надела— раскорчёвывай тайгу. У деда Григория с его братом Ефимом уже был свой «мини-колхоз»— общее, на две семьи, хозяйство. А это значит— общий земельный надел, общие

сельхозорудия, общая пасека. На пашне построили небольшую летнюю избу, чтобы на время страды не тратить время на дорогу, на пасеке — омшаник для хранения пчёл зимой, в тайге — небольшая избушка с лабазом, где хранились пушнина и запас еды. Идеальная схема для проживания в суровых условиях Сибири.

Зачем было ломать продуманный веками образ жизни? Кому от этого стало лучше? Оставшиеся в опустевших деревнях любители лежать на печи, потеряв возможность за пару месяцев в страду заработать у крепких хозяев еды на весь год, быстро разбежались кто куда. И всё! Деревни погибли в муках, разрушая фундамент государства.

Длинно вздохнув, мама вытерла слёзы.

— Ну вот и повидались... Говорили, в избе после нашего побега председатель колхоза приказал сделать курятник. В большом и светлом доме — курятник!

Мы вышли на дорогу, остановились и долго стояли молча, глядя на то место, где когда-то на высоком холме стоял большой и красивый дом. Мама углом платка вытерла слёзы, вздохнула.

— И что у него, убогого, было в голове? Естил, наверное, что не смог нас добить. Да Бог его, дурака, быстро наказал. Позже наши деревенские рассказывали, что, пьяный, он замёрз у ворот своего дома, — махнула рукой. — Ладно, пойдём. Прошлого уже не воротить... Жизнь всех поставила по своим местам.

Игорь ждал нас у машины.

— Ну, что, Лидия Григорьевна, вспомнили место, где был ваш дом?

— Да, нашли место, где он стоял. Нет там уж ни холма никакого, ни оврага. Время разгладило все холмы.

Да уж... Время всё ставит на свои места. И всё — и всех. И холмы разглаживает, и людей по судьбам расставляет. Не зря же говорят: время — лечит. Ну что, экскурсия в прошлое закончена, возвращаемся в настоящее. По коням.

Долго ехали молча. Даже хохотушка и говорущка Лена, несмотря на своё малолетство, видимо, поняла, что не так всё просто в этой жизни, тоже сидела молча, поглядывая в окно. Игорь, объехав необъятную по размерам лужу, остановился.

— Ну что приуныли? А у меня для вас хороший подарок есть. Я думаю, он вам точно настроение поднимет. Негоже с нашей, да и с вашей козюльской земли в унынии уезжать. Грибочков хотите со своей родины привезти?

Народ оживился:

— Ну кто же от грибочков откажется? Показывай. — Лидия Григорьевна, вы говорили, где-то здесь примерно, в этом районе, была ваша пасека. Далеко от дороги?

— Да как вам сказать? Раньше всё близко было, а сейчас с каждым годом метр всё длинней. Недалеко, думаю. Омшаник с дороги просматривался. — Вот сейчас я вас завезу на одну полянку, оглядитесь, может, что знакомое и увидите.

«Уазик», хрюкнув коробкой и взревев мотором, врубился в сторону от дороги. Виляя между берёзками, Игорь поехал в сторону перелеска. Интересно, и что там за подарок? Лес как лес. Прехали совсем немного, и Игорь остановил машину. — Ну, вот ваша поляна, а я дальше пройду, посмотрю, что там. Успехов вам.

Пока женщины разбирали сумки, доставая пакеты, я прошёл по краю перелеска. И практически сразу, через десяток шагов, наткнулся на семейку белых грибов.

Что было дальше, описать просто невозможно. Пройдя через кусты метров десять вперёд, я просто обомлел. Справа и слева я увидел перед собой целую поляну таких грибов. Они стояли почти сплошняком, большие и маленькие, кучками и по одному. Поляна коричневых головок. Вот это сюрприз! Вернулся к машине, подошёл к маме.

— Хочешь, клад покажу?

Мама, недоверчиво глянув, сомнительно покачала головой:

— В клады я давно уже не верю. Не темни: что за клад?

— Белых грибов хочешь? Все пойдём. Там на всех хватит.

Грибов хватило всем. Игорь, конечно, знал об этой поляне и великодушно отдал её нам. Убедившись, что мы нашли его подарок, он, тихо подойдя к нам, сел на пенёк, закурил и, посмеиваясь, смотрел, как мы на карачках ползали по поляне. Набрали много, заполнили всю имеющуюся тару. Грибы были отменные.

— Ну что, Лидия Григорьевна, места знакомы вам? Не здесь ли ваша пасека была?

— Да как тут узнаешь, где она была, та пасека? Меня же совсем ребёнком увезли отсюда, — мама, перебирая в пакете грибы, вздохнула. — Столько лет прошло. Всё тут изменилось. Поля лесом заросли, овраги землёй затянулись, — вздохнула. — Да чего сейчас уже вспоминать? Жизнь идёт, не спрашивая нас, чего мы хотим... У неё свои законы.

Надо просто жить...